

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №4, Том 12 / 2021, No 4, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/26SCSK421.pdf>

DOI: 10.15862/26SCSK421 (<https://doi.org/10.15862/26SCSK421>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Пакшина, И. А. Дискурс тревожности в социальных медиа региона / И. А. Пакшина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26SCSK421.pdf> DOI: 10.15862/26SCSK421

For citation:

Pakshina I.A. Discourse of anxiety in the social media of the region. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(12): 26SCSK421. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/26SCSK421.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/26SCSK421

Пакшина Ираида Адольфовна

ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», Саранск, Россия
Ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела

Кандидат культурологии

E-mail: iraida-69@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=838696

Дискурс тревожности в социальных медиа региона

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании тревожности и опасений, проявляемых пользователями локальных интернет-сообществ социальной сети «ВКонтакте» в период первой волны пандемии коронавируса. Сбор первичной социологической информации осуществлен с помощью проведения процедуры контент-анализа. В статье представлены результаты качественного анализа контекста употребления ключевого слова «коронавирус». Проявление тревожности у подписчиков сообществ менялось на протяжении периода исследования. На первом этапе (стадия отрицания) пользователи социальной сети сомневались в реальности надвигающейся опасности. На следующем этапе (осмысления) происходило понимание серьезности ситуации. Осознание грозящей опасности приходит с появлением регулярных новостей о статистике заболеваемости и смертности среди жителей региона. Локдаун, ограничительные меры и информационное давление средств массовой информации, стремившихся скорректировать привычное поведение людей, привели к формированию у населения коллективных страхов. Преобладала репрезентация медицинских и информационных страхов. Третий этап (рутинизация) охарактеризован постепенным снижением упоминания ключевого слова и преимущественно практико-ориентированными комментариями. Зафиксирован спад количества сообщений пользователей, описывающих информационные и медицинские страхи, в то же время выявлено их волнение относительно экономических последствий пандемии. Как только объем потребляемой информации стал сопоставим с повседневным опытом человека, стала снижаться тревожность, вызванная распространением пандемии коронавируса.

Ключевые слова: тревожность; страхи; пандемия коронавируса; информационный фон; регион; социальные медиа; локальные интернет-сообщества

Введение

В 2020 г. российское общество вплотную столкнулось с пандемией коронавирусной инфекции. Несмотря на то, что болезнь еще не побеждена, современное научное сообщество активно занимается исследованием социальных, психологических, экономических и политических ее последствий [1–17].

Пандемия стала одним из крупнейших разрушителей финансовых рынков, привнесла неопределенности и сбои в экономическую деятельность различных стран. В экономике она спровоцировала шок спроса и предложения, изменение динамики двусторонней торговли, административные вмешательства, приводящие к ограниченной мобильности и экономической деятельности, фискальные и валютные интервенции, нестабильную инвестиционную среду и др. [5]. Кроме того, COVID-19 оказал серьезное влияние на психологию инвесторов, бизнеса и политиков, принеся беспрецедентную неопределенность и финансовую тревогу [5].

В условиях неопределенности возросла значимость и внимание населения к выступлениям руководителей государства и регионов, а также учреждений здравоохранения. В период пандемии государственные лидеры стремились восстановить контроль над крайне неопределенной и динамичной угрозой, формулируя стратегии, которые реализовывались со значительными экономическими, социальными и политическими расходами [3]. Повестка дня для СМИ была сформирована контекстом выступлений руководителей страны, содержащих призывы к проявлению терпения, к корректированию своего поведения и соблюдению санитарно-гигиенических мер. Однако сенсационная подача новостей и общий алармистский стиль в освещении пандемии COVID-19 вызывали травмирующие психологические последствия [7].

В результате многочисленных исследований, проведенных в 2020 г., было установлено, что основным психологическим последствием пандемии COVID-19 оказалось значительное возрастание уровня распространенности среди населения симптоматических проявлений таких психических расстройств, как депрессия и тревожность [14, с. 34].

Самоизоляция и ограничительные меры по предотвращению коронавирусной инфекции привели к «формированию новой повседневности с изменениями поведения людей, их повседневных приоритетов, сменой их привычного образа жизни, обнажив экономические и социальные проблемы у всех социальных групп» [17, с. 34].

Все сферы жизни общества оказались под влиянием информационных сообщений о COVID-19 в ситуации искусственно нагнетаемой тревожности. Сложившаяся социально-психологическая ситуация была названа «пандемией страха». В связи с этим особый акцент в исследованиях отводится изучению специфики освещения пандемии коронавируса в средствах массовой информации, так как «в современном обществе определенные страхи активно культивируются средствами массовой информации и все меньше являются результатом собственного опыта человека» [14, с. 32].

В кризисной ситуации необходимо понимание настроений граждан и информационных потребностей общества. Современные медиа — «это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [18, с. 22]. Мониторинг средств массовой информации, будь то социальные сети или традиционные СМИ, предоставляет богатый источник, который можно использовать для анализа контента и настроений людей в реальном времени [8].

Сегодня глобальная сеть оказывает существенное влияние на коммуникационный процесс, на формирование общественного мнения и все чаще служит источником эксклюзивных и оперативных новостей. Аудитория перестает быть только получателем сообщений, она может и хочет участвовать в производстве и обмене информацией. Благодаря

новым технологиям, одной из сильнейших тенденций современной коммуникации оказывается смещение ролей отправителя и получателя и интерактивность: от возможности выбрать информацию для потребления до высочайшего уровня интерактивности — участия в создании сообщения отправителя [19, с. 58].

Социальные сети за небольшой срок существенно скорректировали коммуникационный процесс. Коммуникация в них строится вокруг обсуждения частных проблем повседневной жизни, при этом каждый пользователь, пишущий комментарий к посту, выражает собственное мнение, свободное от формализма и идеологических штампов [20, с. 197]. Следовательно, в социальных медиа также происходит репрезентация проявлений социальной тревожности.

Цель статьи заключается в исследовании социальной тревожности и опасений, проявляемых пользователями локальных интернет-сообществ социальной сети «ВКонтакте», в период первой волны пандемии коронавируса.

Социальные тревоги понимаются как «феномен общественной жизни, сущностью которого является состояние беспокойства социального субъекта по поводу неопределенности возможностей удовлетворения его насущных потребностей и интересов в условиях противоречий общественного развития» [21, с. 10]. Вслед за Д.Н. Бариновым в статье понятия страха и тревоги рассматриваем как «тождественные, а в отношении социального страха допустимо использовать синонимический ряд: страхи, тревоги, опасения, беспокойство, волнения, заботы и т. п.» [22, с. 45].

Методы

Методологической основой сбора информации выступил метод анализа документов. Основу эмпирической базы исследования составили посты и сообщения пользователей локальных сообществ социальной сети «ВКонтакте». При проведении процедуры контент-анализа фиксировалось упоминание всех словоформ ключевого слова «коронавирус», особое внимание уделялось контексту его употребления. Временной период исследования (с 1 января по 28 июня 2020 г.) соответствует наиболее интенсивному потоку публикаций, посвященных пандемии коронавируса и совпадает с периодом первой волны пандемии. Сбор информации проводился в июле — октябре 2020 г.

В статье представлены результаты качественного анализа комментариев пользователей региональных пабликов социальной сети «ВКонтакте» («Привет, сейчас, Саранск» (195 387 подписчиков¹), «Саранск | Доска Позора» (93 248), «Столица С» (113 657 подписчиков)), наиболее популярных в Мордовии. Была изучена вся совокупность сообщений рассматриваемых сообществ и опубликованных в указанный период. Выборочную совокупность составили 736 поста и 466 комментариев пользователей. Зафиксировано 4 142 упоминания ключевого слова. Типологизация хронологической последовательности полученных данных предложена С.Г. Ушкиным [23, с. 27–29].

Результаты

Появление коронавирусной инфекции кардинальным образом сменило новостную повестку региона с обсуждения политической и экономической ситуации в сторону отслеживания эпидемиологической обстановки. Результаты количественного анализа выявили, что информационный повод, связанный с пандемией коронавируса, «запускает генерацию все

¹ Данные приведены по состоянию на 1 декабря 2020 г.

новых и новых сообщений, которые удерживают пользователей на протяжении длительного периода времени» [23, с. 29].

Отношение подписчиков сообществ к COVID-19 менялось на протяжении всего периода исследования и прошло три этапа, в рамках каждого из которых были выделены содержательные особенности, отличающие их друг от друга [23, с. 28] (рис.).

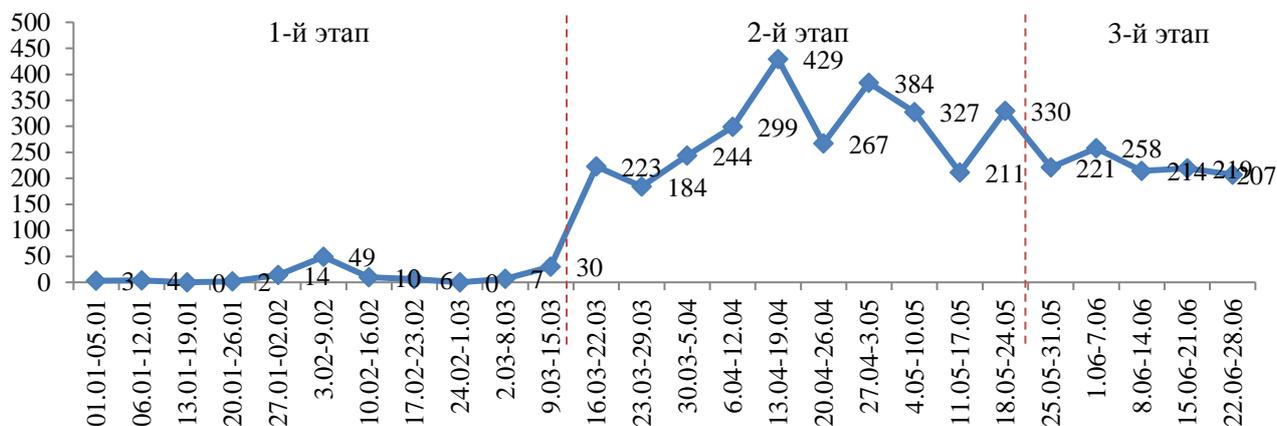

Рисунок. Динамика упоминаний о коронавирусной инфекции в популярных региональных сообществах с 1 января по 28 июня 2020 г., ед. [23, с. 28]

1 этап (с 1 января по 15 марта 2020 г.) — стадия отрицания. В этот период пандемия коронавируса активно распространяется в мире, а в региональных СМИ начинают появляться сообщения о первых заболевших в России. В данный период в интернет-сообществах слово «коронавирус» упоминается довольно редко. В комментариях пользователей преобладают юмористическое или снисходительное отношение в проблеме. Высказываются утверждения о том, что пандемия не затронет республику («кто живет в Мордовии вирус не действует»², «коронавирус пусть учит эрзянский и мокшанский»). Среди пользователей социальных сетей преобладает мнение о том, что вирус «где-то далеко» от Мордовии и ее жителей, не внушает страхов и опасений, т. к. это всего лишь «шумиха». Тревожные сообщения, описывающие симптомы новой, неизвестной ранее болезни, довольно редки. В данный период пользователи социальной сети сомневаются в реальности надвигающейся опасности.

Период с 16 марта по 24 мая 2020 г. можно назвать периодом осмысления. Пандемия коронавируса перестала быть «эффемерным» заболеванием («вчера говорили, что вирус не опасный, сегодня, что это самая величайшая проблема»), так как республика вплотную столкнулась с новой неизвестной ранее болезнью. В федеральных и региональных традиционных СМИ ежедневно публиковались статистические данные оперштаба о количестве заболевших и умерших в Мордовии. В сознании людей происходит понимание серьезности ситуации. Триггером, повлиявшим на восприятие степени опасности данного заболевания, стало сообщение о первом умершем в Мордовии от новой инфекции. В социальных сетях упоминание ключевого слова «коронавирус» в эти дни достигло максимального значения, преобладают сообщения, отражающие чувства тревоги и волнения.

В данный период ведущей становится репрезентация медицинских страхов в сочетании со страхом смертельного исхода заболевания. Наиболее обсуждаемой становится тема сохранения здоровья и необходимости соблюдения профилактических мер. Во внутрисетевых дискуссиях акцент постепенно переносится с описания симптоматики заболевания на обсуждение возможности получения качественной и своевременной медицинской помощи («не

² Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация пользователя социальной сети.

от вируса, так от лечения умрешь») и отсутствия способов лечения («при короне с поражениями и к каждому пациенту приходится подбирать свое лечение общего нету», «умерла, не от самого коронавируса, а от осложнений»).

В период первой волны распространения коронавирусной инфекции жители региона оказались в принципиально новой ситуации — в состоянии самоизоляции. Изменение привычного ритма жизни, вынужденная необходимость проводить большую часть времени в квартире, невозможность выйти из дома без уважительной причины в сочетании с информационным давлением спровоцировала появления страха изоляции: *«со всех сторон короной пугают ... людей в страх загоняют», «вируса испугались, все позакрывали», «на улице вирус дома сиди», «если полгода из дома не выходить то вирус испарится?».*

В ситуации многодневной изоляции все внимание общества было приковано к средствам массовой коммуникации, в которых оно пыталось найти ответы на актуальные вопросы. Не имея возможности выйти из дома, люди оказались под невиданным ранее информационным давлением. Ежедневное нагнетание напряженности со стороны СМИ, муссирование одной и той же темы создавали атмосферу тревожности и напряженности *(«все забито этим вирусом везде!!», «инфопоток вируса такой что поневоле начинаешь очковать», «каждый день мозги промывают этой короной, масками перчатками», «нервы не выдерживают у людей с этим вирусом»).*

Определенную нервозность в информационный фон региона вносили распространяющиеся в социальных сетях разного рода конспирологические теории и фейки *(«чипирование идёт под видом вакцины», «коронавирус — это фейк и повод для жёсткого управления стадом», «в самом названии covid заложен смысл (удостоверение личности), если перевести на русский», «Covid в два слова — это в переводе с английского “Обложка удостоверения личности,», («все это спланировано годами раньше, что бы все с голоду подошли»), а также мнения ковид-диссидентов («если бы этот вирус настолько опасен был бы, мы бы слегли моментом», «далеко не так опасна, как ее размалевали»).*

В локальных интернет-сообществах риторика внутрисетевых дискуссий на этот период меняется от проявления искренней заинтересованности к ежедневным сводкам официальной статистики о ситуации с распространением инфекции *(«интересно узнать полную картину по коронавирусу», «всех вирус заботит»)* до выражения недоверия к опубликованным данным *(«сложная и малопонятная статистика зараженных коронавирусом», «реальные цифры Минздрав скрывает»).*

3 этап (с 25 мая по 1 июля 2020 г.) — рутинизация — характеризуется постепенным снижением упоминания ключевого слова и преимущественно практико-ориентированными комментариями. В данный период наибольшую значимость приобретает экзистенциальный опыт людей, перенесших заболевание. Испытываемая ранее тревожность, вызванная предопределенностью исхода болезни, нивелировалась комментариями пользователей, описывающих опыт излечения от новой болезни: *«я излечилась от коронавируса, катафалк отменяется», «вирус есть, переболела», «лежу с ковидом, все есть!!! Комфортнее лечиться дома», «кто по-настоящему столкнулся с ковидом никогда не забудет».* Люди, перенесшие болезнь, чаще всего призывали к соблюдению профилактических мер и серьезному отношению к болезни *(«Сколько людей должно умереть, чтобы вы поняли, что ВИРУС это серьезно!!!»; «не дай бог тебе этим вирусом заболеть»).* Большим резонансом пользовались истории обычного человека о тяжелых утратах и последствиях перенесенной болезни. Описание опыта проживания критической ситуации отдельным человеком позволило снять тревожность и страх перед новой инфекцией.

Основной вид тревоги, испытываемый населением, в этот период — угроза общественному здоровью. Эмоционально окрашенный характер носили комментарии пользователей, описывающих медицинские страхи. В социальных сетях бурно обсуждались все медицинские аспекты пандемии коронавируса: симптомы заболевания, способы лечения, эффективность изоляционно-ограничительных мероприятий, работа врачей, ежедневное отслеживание эпидемиологической обстановки, а также состояние учреждений здравоохранения в регионе.

Пользователи социальных сетей были озабочены тем, что в сложившихся условиях медицинские учреждения были сосредоточены только на лечении определенного заболевания. Многие жители столкнулись с тем, что откладывались плановые операции и становилось затруднительным лечение других тяжелых и хронических заболеваний (*«все больницы работают на корону, а другие болезни на самотёк пускают»*, *«нет рака есть ковид»*, *«минздраву интересен только коронавирус»*). Тревогу вызывали как отсутствие мест в больницах, так и перепрофилирование районных больниц под ковидные госпитали (*«с ковидом даже не кладут, нет мест»*, *«клинику под ковид построили, а больных по районам развозят»*; *«жаль уходит все под ковид»*). При этом произошла переоценка ценности работы врачей (*«медицина вперед шагнула с этим вирусом»*, *«непосильный труд приложили врачи в борьбе с вирусом»*).

В этот период средства массовой информации были нацелены на корректировку поведения людей, изменение привычного образа жизни, призывали к соблюдению социальной дистанции и мер, призванных ограничить распространение инфекции. Ежедневное акцентирование внимания людей на степени распространенности заболевания на фоне вынужденной многодневной социальной изоляции привели к формированию информационных страхов. Переизбыток информации привел к тому, что к концу периода самоизоляции большая часть пользователей социальной сети высказывала сомнения в достоверности данных официальной статистики (*«умерших больше чем в официальной статистике»*, *«хотели приписать коронавирус для галочки в статистике!!!»*).

Несмотря на то, что пандемия еще не закончилась, в данный период стали появляться сообщения пользователей, в которых высказывалась тревога об экономических последствиях как на микро- (*«я безработная благодаря коронавирусу»*) так и на макроуровне (*«с этим вирусом развили всю страну»*, *«вызвал глобальный экономический кризис»*).

Обсуждение

Как показали результаты исследования, на протяжении первой волны пандемии характер отношения к новому заболеванию довольно быстро изменился от насмешливо-снихождительного до нервно-тревожного. Осознание грозящей опасности приходит с появлением регулярных новостей о статистике заболеваемости и смертности среди жителей региона. Введение локдауна и ограничительных мер, призванных остановить распространение инфекции, а также информационное давление привели к формированию у населения коллективных страхов. Полученные итоги подтверждаются данными мониторинговых исследований ситуаций, вызывавших беспокойство, тревогу или страх у людей, согласно которым «страх усиливается пропорционально чувству несвободы и зависимости от внешних обстоятельств» [24, с. 51]. Сложившуюся в обществе социально-психологическую ситуацию исследователи определяют как «пандемия страха» [14, с. 34].

Однако как только объем потребляемой информации стал сопоставим с повседневным опытом человека, стала снижаться и тревожность, вызванная распространением пандемии коронавируса. Таким образом, итоги нашего исследования коррелируют с тезисом о том, что

«коллективные страхи в России — это ... не актуальные реакции на происходящее, а механизм переакцентирования настоящего, способ уменьшить степень смыслового разнообразия, выделив важнейшие вещи, самые необходимые для выживания» [24, с. 52].

Наши данные согласуются с полученными ранее результатами о том, что в условиях пандемии для снижения социальной напряженности эффективным способом доведения информации до населения становится использование образа очевидца событий [16]. Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что рассказы пользователей социальной сети об экзистенциальном опыте переживания пандемии способствовали снижению проявлений тревожности.

Выделенные нами этапы развития тревожности у населения согласуются с результатами аналогичных исследований. А.Д. Казун и А.П. Казун, анализируя транскрипты новостных передач на «Первом канале», также выделяют три этапа ведения дискуссий, в рамках которых последовательно осуществлялись стратегии по смягчению ситуации: депроблематизация, ее проблематизация и повторная депроблематизация [16]. Типологизация реакции населения на появление и распространение новой болезни (отрицание — осмысление — рутинизация) ориентируется на повседневные практики и не противоречит концепции волновой (де)проблематизации.

Выводы

В период первой волны распространения коронавирусной инфекции риторика сообщений пользователей социальной сети менялась от выражения сомнений в реальности надвигающейся опасности к осмыслению серьезности ситуации до рационализации «шоковой» темы.

Пандемия коронавируса сопровождалась повышенной тревожностью. Проведенное исследование позволило выделить доминирующие виды тревог, которые испытывали пользователи социальных сетей региона в период первой волны распространения коронавирусной инфекции — медицинские и информационные.

В состоянии неопределенности и непредсказуемости боязнь за собственное и здоровье близких становится основным страхом для пользователей социальной сети. Оказавшись в ситуации возрастающей тревожности и постоянного напряжения, они осознали здоровье как важнейшую ценность для социума. Появлению информационных страхов способствовали переизбыток новостей, их противоречивость и фейковость, а также стремление СМИ скорректировать привычное поведение людей, изменить повседневные практики и ограничить социальные контакты. По мере ослабления ограничительных мер пользователи проявляли тревогу относительно негативных последствий пандемии для экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lorant V., Smith P., Van den Broeck K. et al. (2021). Psychological distress associated with the COVID-19 pandemic and suppression measures during the first wave in Belgium. *BMC Psychiatry*. 21, 112. <https://doi.org/10.1186/s12888-021-03109-1> (дата обращения: 06.07.2021).
2. Benach J. (2020). We Must Take Advantage of This Pandemic to Make a Radical Social Change: The Coronavirus as a Global Health, Inequality, and Eco-Social Problem. *International Journal of Health Services*. 51(1), 50–54. <https://doi.org/10.1177/0020731420946594> (дата обращения: 04.07.2021).

3. Boin A., Lodge M. & Luesink M. (2020). Learning from the COVID-19 crisis: An initial analysis of national responses. *Policy Design and Practice*. 3(3), 189–204. doi: 10.1080/25741292.2020.1823670 (дата обращения: 09.07.2021).
4. Bromley D.W. (2021). Opening up is not showing up: human volition after the pandemic. *Mind & Society*. 20, 103–105. <https://doi.org/10.1007/s11299-020-00273-x> (дата обращения: 14.07.2021).
5. Chakraborty P., Javed M.S. & Satchel M. (2021). COVID-19 pandemic and global financial market interlinkages: a dynamic temporal network analysis. *Applied Economics*, 53(25), 2930–2945. <https://doi.org/10.1080/00036846.2020.1870654> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Coibion O., Gorodnichenko Y., Weber M. (2020). Labor Markets during the Covid-19 Crisis: A Preliminary View. Cambridge: National bureau of economic research. <https://doi.org/10.3386/w27017> (дата обращения: 12.07.2021).
7. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. (2020) The Novel Coronavirus (COVID-2019) Outbreak: Amplification of Public Health Consequences by Media Exposure. *Health Psychology*. Vol. 39. No. 5. P. 355–357. <https://doi.org/10.1037/hea0000875> (дата обращения: 20.07.2021).
8. Jong W. (2020). Evaluating Crisis Communication. A 30-item Checklist for Assessing Performance during COVID-19 and Other Pandemics. *Journal of Health Communication. International Perspectives*, 12(25), 962–970. <https://doi.org/10.1080/10810730.2021.1871791> (дата обращения: 22.07.2021).
9. Macchi L. (2021). Words, numbers, warnings, tips, but still low risk perception. *Mind & Society*, 20, 123–127. <https://doi.org/10.1007/s11299-020-00255-z> (дата обращения: 24.07.2021).
10. Maor M. & Howlett M. (2020). Explaining variations in state COVID-19 responses: psychological, institutional, and strategic factors in governance and public policy-making. *Policy Design and Practice*, 3(3), 228–241. DOI: 10.1080/25741292.2020.1824379 (дата обращения: 20.07.2021).
11. Mintrom M. & O'Connor R. (2020). The importance of policy narrative: effective government responses to Covid-19. *Policy Design and Practice*, 3(3): Policy processes and dynamics: Lessons from the response to COVID-19, 205–227. <https://doi.org/10.1080/25741292.2020.1813358> (дата обращения: 19.07.2021).
12. Smith R.D. (2006). Responding to global infectious disease outbreaks: lessons from SARS on the role of risk perception, communication and management // *Social Science & Medicine*. 63(12), 3113–3123. DOI: 10.1016/j.socscimed.2006.08.004 (дата обращения: 24.07.2021).
13. Джамалов Ф.О. Мир после пандемии коронавируса (видение общественно-политических, экономических, гуманитарных и иных последствий пандемии коронавируса) / Ф.О. Джамалов // *Поствирусный мир. Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития: сб. науч. ст. / под ред. О.В. Архиповой и А.И. Климина; Ассоциация «НИЦ «Пересвет».* — СПб.: Фора-принт, 2020. — С. 7–12. — URL: <https://s.siteapi.org/db33f211b111f03/docs/a1gnovxs7gw8kswwoqcg8o4440cw48> (дата обращения: 06.08.2021).
14. Екимова В.И. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии Covid-19 / В.И. Екимова, М.И. Розенова, А.В. Литвинова, А.В. Котенева. — DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103> // *Современная зарубежная психология*. — 2021. — Т. 10. — № 1. — С. 27–38. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2021/n1/Ekimova_et_al.shtml (дата обращения: 03.08.2021).

15. Казун А.Д. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале / А.Д. Казун, А.П. Казун. — <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754> // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 6. — С. 284–306. — URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1754> (дата обращения: 12.09.2021).
16. Кузина Н.В. Психика и информационная безопасность в условиях пандемии: последствия для личности и государства / Н.В. Кузина. — DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.119> // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2020. — № 1. — С. 146–189. — URL: https://www.researchgate.net/publication/349183007_Psihika_i_informacionnaa_bezopasnost_v_usloviah_pandemii_posledstvia_dla_licnosti_i_gosudarstva (дата обращения: 15.10.2021).
17. Ярмук О.В. Коронавирус как социальный драйвер трансформации повседневности / О.В. Ярмук, Е.М. Панова, А.Г. Маранчак, З.С. Савина. — DOI 10.18522/2687-0770-2020-3-27-35 // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2020. — № 3. — С. 27–35. — URL: <https://izvestiya.sfedu.ru/social-sci/ru/archive/content/2020/SS%203,20.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
18. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. — М.: Академический проект, 2006. — 448 с.
19. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов / И.М. Дзялошинский. — М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. — 479 с. — URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/9mbtmatev1/direct/102021192.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).
20. Пакшина И.А. Провинциальные города: репрезентация в региональных медиа / И.А. Пакшина, Е.С. Руськина // Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности», 20 мая — 14 ноября 2020 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. — М.: ВЦИОМ, 2020. — С. 196–199.
21. Баринов Д.Н. Социальные тревоги как феномен общественной жизни (социально-философский анализ): автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. — Москва, 2011. — 49 с.
22. Баринов Д.Н. Страх как социальный феномен / Д.Н. Баринов // Гуманитарный научный вестник. — 2019. — № 2. — С. 39–48. — URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1902Barinov.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
23. Ушкин С.Г. Медиапредпочтения жителей Республики Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга / С.Г. Ушкин, Р.Р. Агишев, И.А. Пакшина / Научный центр социально-экономического мониторинга; под ред. Л.Н. Курьшовой, В.П. Миничкиной. — Электрон. текст. дан. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. — № 3(11). — 35 с. — URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/bulletins/2021/item/202-media-predpochteniya-zhitelej-respubliki-mordoviya> (дата обращения: 25.11.2021).
24. Гудков Л.Д. Страх как рамка понимания происходящего / Л.Д. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 1999. — № 6. — С. 46–53. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-kak-ramka-ponimaniya-proishodyaschego> (дата обращения: 20.10.2021).

Pakshina Iraida Adol'fovna

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia

E-mail: iraida-69@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=838696

Discourse of anxiety in the social media of the region

Abstract. The purpose of the article is to study the anxiety and fears expressed by users of local Internet communities of the VKontakte social network during the first wave of the coronavirus pandemic. The collection of primary sociological information was carried out using the content analysis procedure. The article presents the results of a qualitative analysis of the context of the use of the keyword "coronavirus". The manifestation of anxiety among community subscribers varied over the study period. At the first stage (the stage of denial), users of the social network doubted the reality of the impending danger. At the next stage (comprehension), there was an understanding of the seriousness of the situation. Awareness of the impending danger comes with the appearance of regular news about the statistics of morbidity and mortality among the inhabitants of the region. Lockdown, restrictive measures and information pressure of the media, seeking to correct the habitual behavior of people, led to the formation of collective fears among the population. The representation of medical and informational fears prevailed. The third stage (routinization) is characterized by a gradual decrease in the mention of the keyword and predominantly practice-oriented comments. A decline in the number of messages from users describing information and medical fears was recorded, at the same time, their anxiety about the economic consequences of the pandemic was revealed. Once the amount of information consumed is comparable to the daily experience of a person, the anxiety caused by the spread of the coronavirus pandemic decreases.

Keywords: anxiety; fears; coronavirus pandemic; information background; region; social media; local Internet communities